

П. Б. СТРУВЕ

Дневник политика

О гордыне, велемудрии и пустоте

Я еще не имел на руках «Дневников» Александра Блока и не читал статей Н. А. Бердяева, из которых одна вызвала такую горячую отповедь Ал. Дм. Билимовича¹.

Помимо основной ошибки, указываемой в передовой № 10 «России и славянства», — в писаниях Н. А. Бердяева несостоятельна и соблазнительна та искусственная и нездоровая напряженность и выпренность, которые характеризуют, в особенности — в Зарубежье, писания этого талантливого публициста-философа.

В чем же эта несостоятельность и соблазнительность? В двух прямо противоположных пороках. В отрешенности от живой жизни, с одной стороны, и, с другой стороны, в горделивой мании — от каких-то общих положений философского или богословского характера прямо переходить к жизненным выводам конкретного свойства. Это — та ошибка, о которой я в свое время, как о специфической слабости многих русских философствующих умов, и в частности и в особенности самого Бердяева, уже писал, — *ошибка короткого замыкания*.

В этом отношении советская власть оказала воистину медвежьё услугу таким людям, как Н. А. Бердяев, выслав их. Удаленные из той обстановки, в которой они были поставлены лбом к стене, спиной — к стенке, — эти люди, попав после этого на вольную волю пусть убогого, но свободного «эмигрантского» существования, свое собственное кошмарное стояние на коротком расстоянии между стеной и стенкой превратили в какую-то историческую перспективу, и эту воображаемую историческую перспективу одни стали для себя еще укорачивать, а другие — наполнять мистическими туманами.

Вот почему случилось то, что они ясные и простые при всей их трудности и запутанности проблемы конкретной человеческой политики возжелали подменить апокалиптическими вещаниями, ненужными и соблазнительными, ибо никому не дано конкретно-исторически истолковывать апокалипсис, а тем менее его исторически-действенно «применять». И такова уж роковая судьба этих широко и тайновещаний, что от них ускользает именно самая подлинная жизнь, а если и не ускользает, то обертывается подлинно дьявольскими образами. Это последнее случилось с евразийцами, и прежде всего с самым широкообразованным и, быть может, самым талантливым из них — Л. П. Карсавиным. К этому свелась и трагедия даровитого, почти гениального поэта А. А. Блока, в которой он духовно и телесно погиб.

Припоминая теперь мои встречи и мою переписку (о «Лиге русской культуры»)² с покойным Блоком, я отчетливо ощущаю, что в основе бердяевской выпренности и блоковской пустоты лежит одно и то же нездоровое состояние бесчувственно судящей о жизни безжизненности.

Только Блока духовно и душевно не спасла даже та близость к советской стене и стенке, удаление от которых окончательно повергло Бердяева в нездоровое апокалиптическое велемудрие. Ибо Блок в своей роковой пустоте даже уверовал в советчину. А советчина, еще больше опустошив его душу, выпила из нее последние жизненные соки. Советчина для Блока оказалась воистину прижизненным Вампиром. Но именно потому — что он встретил ее не с той смиренной простотой глубочайшего внутреннего отвержения, с которой древние русские люди встречали поганую орду, а с гордыней велемудрия и с изломом «приятя».

То же в других, более тонких и соблазнительных, формах угрожает Н. А. Бердяеву. И Ал. Дм. Билимович прав, противопоставляя «бердяевщине» смиренную простоту и ясность немудрствующей веры тех, кто унес оттуда и принес сюда здоровую душу.

